

Рец. на кн.: **СОВЕТСКИЙ ЦАДИК. РАССКАЗЫ
О РЫБНИЦКОМ РЕБЕ: ОТ ДНЕСТРА ДО ГУДЗОНА /**
Сост. В.А. Дымшиц, М.М. Каспина; ред. В.А. Дымшиц,
М.М. Каспина, А.Л. Полян. М.: Кучково поле;
Еврейский музей и центр толерантности, 2024. 304 с.

Геннадий Яковлевич Эстрайх

Нью-Йоркский университет

35 Сикоаст Террас, апт. 16Е Бруклин, Нью-Йорк, США

ge293@nyu.edu

Аннотация: Сборник статей описывает и анализирует уникальную для Советского Союза историю формирования культа еврейского духовного лидера, ребе. Поклонники Хаима-Занвля Абрамовича (1902–1995), больше известного как Рыбницкий ребе, фактически сформировали отдельную ветвь хасидизма. Как и большинство хасидских ребе, Абрамович получил «титул» по названию того места, где завоевал признание своих приверженцев. В его случае это произошло в молдавском городе Рыбница, куда малоизвестный раввин из румынского города Резина (ставшего советским в 1940 г.) был выслан в 1941 г. в созданное там гетто. После освобождения города он остался жить в Рыбнице и принял на себя функции раввина и резника. Официально его деятельность не была легализована местной администрацией, но преследованиям он не подвергался. В кругах традиционных евреев Абрамович, ведший аскетический образ жизни, приобрел репутацию не только глубоко набожного человека, но и чудотворца. Эта репутация привлекла к нему также религиозных евреев Закарпаття. После эмиграции из СССР в 1973 г. Рыбницкий ребе жил в Израиле и США. Его могила в Монси, недалеко от Нью-Йорка, стала местом массового паломничества. Можно только гадать, стала бы Рыбница аналогом Умани, куда десятки тысяч поклонников Бреславского ребе приезжают на еврейский новый год, если бы Абрамович остался в Рыбнице до конца своих дней. Практически без ответа остался в книге вопрос, в чем заключается секрет все еще сохраняющейся привлекательности Рыбницкого ребе. Как у многих монографий, написанных группой авторов, ее главы разнятся по глубине исследования. Однако в целом книга заметно дополняет корпус научной литературы по истории советского еврейства.

Ключевые слова: иудаизм в СССР, хасидизм, евреи Молдовы, евреи Закарпаття, паломничество.

Для ссылок: Эстрайх Г. Рец. на кн.: Советский цадик. Рассказы о Рыбницком ребе: от Днестра до Гудзона / Сост. В.А. Дымшиц, М.М. Каспина; ред. В.А. Дымшиц, М.М. Каспина, А.Л. Полян. М.: Кучково поле; Еврейский музей и центр толерантности, 2024. 304 с. // Антропологический форум. 2025. № 66. С. 298–307.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-66-298-307

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/066/estraikh.pdf>

**A Review of SOVETSKIY TSADIK. RASSKAZY O RYBNITSKOM REBE:
OT DNESTRA DO GUDZONA [THE SOVIET TZADIK.
TALES OF THE RIBNITZER REBBE FROM DNIESTER TO HUDSON],**
comp. by V. A. Dymshits, M. M. Kaspina, ed. by V. A. Dymshits,
M. M. Kaspina, A. L. Polyan. Moscow: Kuchkovo pole;
Jewish Museum and Tolerance Center, 2024, 304 p.

Gennady Estraiikh

New York University

35 Seacoast Terrace, apt. 16E Brooklyn, NY, USA

ge293@nyu.edu

Abstract: This collection of articles describes and analyses the story of the formation of a Jewish spiritual leader's cult, unique for the Soviet Union. Adherents of Chaim Zanvil Abramowitz (1902–1995), better known as the Ribnitzer Rebbe, effectively established a separate group within Hasidism. Like the majority of Hasidic rebbes, Abramowitz received a "title" associated with the geographical place, where he had received recognition from his followers. In his case, it was the Moldavian town of Ribnitsa (also Ribnița and Rybnitsa). In 1941, Abramowitz, then a little-known rabbi from the Romanian town of Rezina (it became Soviet in 1940), was incarcerated in the Ribnitsa ghetto. Following the Soviet liberation of Ribnitsa, he settled in the town and took on himself the functions of a rabbi and kosher butcher. Although the local administration officially refused to recognize him as a legitimate clergyman, he did not become an object of persecution. Among traditional Jews, Abramowitz, who led an ascetic life, gained a reputation of a miracle worker rather than simply of a deeply pious person. This reputation also brought to him religious Jews from Transcarpathia. After his emigration from the Soviet Union in 1973, he lived in Israel and the United States. His grave in Monsey, near New York, has become a site of mass pilgrimage. One can only guess, what would have happened if Abramowitz lived in Ribnitsa until the end of his life. Had Ribnitsa a chance of becoming an analogue of Uman, where tens of thousands of Breslov Hasidim flock

each Jewish New Year? The book leaves unanswered the question of what the secret of the Ribnitzer Rebbe's continued appeal is. Like many monographs written by a group of authors, the chapters differ somewhat in terms of depth of research. In all, however, the book is a considerable addition to existing scholarship on the history of Soviet Jewry.

Key words: Judaism in the Soviet Union, Hasidism, Jews in Moldova, Jews in Transcarpathia, pilgrimage.

To cite: EstraiKh G., 'A Review of Sovetskiy tsadik. Rasskazy o Rybnitskom rebe: ot Dnestra do Gudzona [The Soviet Tzadik. Tales of the Ribnitzer Rebbe from Dniester to Hudson], comp. by V. A. Dymshits, M. M. Kaspina, ed. by V. A. Dymshits, M. M. Kaspina, A. L. Polyan. Moscow: Kuchkovo pole; Jewish Museum and Tolerance Center, 2024, 304 p.', *Antropologicheskij forum*, 2025, no. 66, p. 298–307.

doi: 10.31250/1815-8870-2025-21-66-298-307

URL: <http://anthropologie.kunstkamera.ru/files/pdf/066/estraiKh.pdf>

Рец. на кн.: *Советский цадик. Рассказы о Рыбницком ребе: от Днестра до Гудзона* / Сост. В.А. Дымшиц, М.М. Каспина; ред. В.А. Дымшиц, М.М. Каспина, А.Л. Полян. М.: Кучково поле; Еврейский музей и центр толерантности, 2024. 304 с.

Сборник статей описывает и анализирует уникальную для Советского Союза историю формирования культа еврейского духовного лидера, ребе. Поклонники Хаима-Занвля Абрамовича (1902–1995), больше известного как Рыбницкий ребе, фактически сформировали отдельную ветвь хасидизма. Как и большинство хасидских ребе, Абрамович получил «титул» по названию того места, где завоевал признание своих приверженцев. В его случае это произошло в молдавском городе Рыбница, куда малоизвестный раввин из румынского города Резина (ставшего советским в 1940 г.) был выслан в 1941 г. в созданное там гетто. После освобождения города он остался жить в Рыбнице и принял на себя функции раввина и резника. Официально его деятельность не была легализована местной администрацией, но преследованиям он не подвергался. В кругах традиционных евреев Абрамович, ведший аскетический образ жизни, приобрел репутацию не только глубоко набожного человека, но и чудотворца. Эта репутация привлекла к нему также религиозных евреев Закарпатья. После эмиграции из СССР в 1973 г. Рыбницкий ребе жил в Израиле и США. Его могила в Монси, недалеко от Нью-Йорка, стала местом массового паломничества. Можно только гадать, стала бы Рыбница аналогом Умани, куда десятки тысяч поклонников Бреславского ребе приезжают на еврейский новый год, если бы Абрамович остался в Рыбнице до конца своих дней. Практически без ответа остался в книге вопрос, в чем заключается секрет все еще сохраняющейся привлекательности Рыбницкого ребе. Как у многих монографий, написанных группой авторов, ее главы разнятся по глубине исследования. Однако в целом книга заметно дополняет корпус научной литературы по истории советского еврейства.

Ключевые слова: иудаизм в СССР, хасидизм, евреи Молдовы, евреи Закарпатья, паломничество.

Так уж получилось, что в 1980-е гг. я принадлежал к небольшой неофициальной группе, давшей себе название Еврейская историко-этнографическая комиссия (ЕИЭК). Михаил Членов и Игорь Крупник, научные сотрудники Института этнографии, играли ведущую роль в создании и работе ЕИЭК. На первых порах ЕИЭК получила аффилиацию при московском еврейском литературном журнале «Советиш геймланд» («Советская родина»), решившем даже ввести рубрику «Еврейская этнография». Впрочем, рубрика вскоре исчезла, видимо показавшись кому-то «слишком еврейской», и редакция журнала отдалила от себя ЕИЭК.

Я родился, по сути, в еврейской «историко-этнографической» семье, интересовался ее

историей и вообще историей советского еврейства, что и привело меня в эту комиссию. Мой отец в 1931 г. окончил еврейский факультет Волинского (Житомирского) пединститута с дипломом учителя истории, по распределению попал в старую еврейскую колонию Новозлатополь, за пару лет до этого ставшую центром одного из (в итоге пяти) еврейских национальных районов, существовавших в европейской части страны до 1939 г. Там он женился на моей матери, выросшей в религиозной семье — ее дед был раввином, автором книг о тонкостях кошерного забоя скота, а его сын, мой дед, стал *шойхетом*, т.е. резником. Я родился уже после войны, в Запорожье, но отец по-прежнему преподавал историю, уже по-русски, а деду все еще приносили купленных на рынке кур, уток и гусей. Он с ними кошерно расправлялся в нашей ванной при помощи бритвы Solingen, привезенной моим отцом в качестве трофея из Германии.

В каждой из трех комнат нашей квартиры была своя этнографическая ситуация: у родителей матери — традиционно еврейская, строго кошерная, с соблюдением субботы и всех праздников, у моих родителей — та еврейско-советская, которая сложилась в 1920-е и 1930-е гг. (Анна Штерншиз называет ее «советская и кошерная» [Shternshis 2006]), а у дяди, прослужившего всю жизнь в армии, — практически чисто советская. Но объединял всех язык — идиш. Он определял и границы всего семейного «клана», и вообще близкого социального общения. За семейным столом практически не было места людям, не владевшим (хотя бы пассивно) языком. Мне запомнилось ощущение участия в этнографической экспедиции, когда в середине 1960-х один из моих двоюродных братьев женился на украинской однокласснице и ее родители пригласили нас отпраздновать это событие у них дома.

Еврейского этнографа, казалось бы, такого рода среда должна была заинтересовать как объект исследования. Тем более что даже в 1980-е гг. изолировавшие себя семьи можно было еще найти не только в бывших местечках, но и (в меньшей степени и в другой форме) в городах, включая Москву. Но ЕИЭК куда больше интересовали неашкеназские группы советских евреев — грузинские, горские, бухарские, крымчаки и те, кого называли «лахлухами» (известны также как курдистанские, или ассирийские, евреи, см.: [Куповецкий, Крупник 1982]). В ЕИЭК посмеивались над своей «лахлухоманией», но их тянуло к экзотике еврейской жизни, а евреи вроде моего деда воспринимались как малоинтересные «местечковые», шолом-алеихемовские реликты. Официальные академические структуры тоже не проявляли интереса к проблемам и особенностям жизни советского еврейства, что было неудивительно. Как писали знатоки

советской действительности Вайль и Генис¹, «евреи были чуть ли не главной тайной Советского Союза» [Вайль, Генис 1998: 298].

Антиместечковость вообще была чрезвычайно сильна в СССР. Этому «пережитку прошлого» не было места в стране рабочих и крестьян. Трудно сказать, чей вклад в такое отношение к местечку был весомее — нееврейских большевиков или тех, кто раньше принадлежал к различным еврейским социалистическим партиям. Так или иначе, но к середине 1920-х гг. местечки убрали из административно-территориальной структуры Украинской ССР [Турчинов 2009: 53]. Взамен они получили статус села или города, а если были чем-то промежуточным, то стали рабочим поселком или *поселком городского типа*, этот термин как раз появился в те годы. В Белорусской ССР небольшое число населенных пунктов продолжали называть местечками до 1938 г., когда они уже полностью исчезли с советской карты [Елизаров 2009: 135]. Процесс этот сопровождался миграцией сотен тысяч местечковых евреев в различные города и районы страны. Характерно, что местечко осталось в советской (и не только советской) памяти как феномен еврейской истории, хотя евреи в них зачастую составляли меньшинство.

Можно найти много общего между отношением интеллектуальных и просто городских кругов к «деревенщине» и «местечковости». Но если в русской литературе во второй половине XX в. появились и даже приветствовались «деревенщики», то в советской еврейской литературе было мало похожего на это. Тем более что местечковые темы не особенно поощрялись журналом «Советиш геймланд», игравшим роль своеобразной литературной черты оседлости, в которой центральное место отводилось советской еврейской современности. Ностальгия по еврейскому местечку, характерная для западного еврейства, в СССР практически отсутствовала. В культурном пространстве послевоенных лет «местечковость» оставалась в основном в изданиях произведений Шолом-Алейхема и некоторых авторов журнала «Советиш геймланд», например Самуила Гордона, опубликовавшего серию интересных очерков о поездках в бывшие местечки Украины.

Святой или сумасшедший?

В постсоветские годы немало было сделано для того, чтобы наверстать упущенное, догнать и описать уходящую натуру местечка или хотя бы какой-то ее части. Книга «Советский цадик» представляет собой одну из удачных попыток заглянуть в послевоенное местечко, точнее в его осколок. Неслучайно почти

¹ Александр Генис внесен Минюстом РФ в список иноагентов.

половина тома написана полностью или при участии Валерия Дымшица. Он давно и успешно занимается темой еврейского местечка. Трудно найти другого исследователя, кто провел столько времени в экспедициях в разных уголках бывшей восточно-европейской еврейской ойкумены.

В книге «Советский цадик» речь идет о Хаиме-Занвле (Хаиме Моисеевиче) Абрамовиче, родившемся (по паспорту) в 1892 г., по другим сведениям, в 1902. В традиционных семьях евреи довольно часто не знали точную дату своего рождения¹. У поэта Льва Квитко, родившегося в 1890 г., в разных источниках указываются две даты рождения: 15 октября и 11 ноября. Неуверенность в годе рождения тоже была не редкостью. Нобелевский лауреат Исаак Башевис Зингер, например, родился где-то между 1902 и 1904 гг. Но разброс в десять лет все-таки был необычным.

На самом деле почти все (разве что кроме фамилии) было необычным у Абрамовича, больше известного как Рыбницкий цадик или ребенок. Рыбницкий — потому что он жил в молдавском городе Рыбнице. Правда, городом Рыбница стала только в 1938 г., до этого она была поселком городского типа, а еще раньше — местечком. Ицхок Лейбуш Перец, один из классиков еврейской литературы, писал в начале XX в. о двух местечках, Рыбнице и Резине, разделенных рекой Днестр, но живших как единый организм (даже в баню жители одно время ездили из Резины в Рыбницу), хотя евреи Рыбницы были, по мнению Перца, «польскими», а евреев Резины он никак не обозначил. Упомянул только, что они занимались выращиванием табака и винограда. Чем занимались евреи Рыбницы, писатель, похоже, просто так и не понял [Peretz 1920: 158]. Потом по Днестру прошла советско-румынская граница.

В 1930-е гг. Абрамович осел в Резине, был там одним из раввинов. Рыбница, во много раз большая по населению вообще и по еврейскому населению в частности, осталась на территории СССР, что означало появление там советских еврейских учреждений и организаций. В 1930-е гг. там, тогда еще в поселке городского типа, действовала еврейская школа-десятилетка, но только с семью классными комнатами [Yankelevich 1935]. Рядом с Рыбницей находился еврейский колхоз им. Сталина, чьи пред-

¹ У моих родителей и практически у всех старших родственников паспортные данные были вымышленными или, точнее, приблизительными. Они могли помнить, например, что родились, скажем, за два дня до такого-то праздника (по лунному еврейскому календарю), и при получении паспорта выбирали себе дату рождения вокруг этого праздника. Отмечание дней рождения вообще считалось (и все еще считается в ультрарелигиозных кругах) чем-то нееврейским. В нашем «клане» этому нашли компромиссное решение: на день рождения не приглашали, но готовили стол, так как знали, что все помнят и придут.

ставители участвовали в Москве во Всесоюзной сельскохозяйственной выставке (позже Выставка достижения народного хозяйства, ВДНХ) [Mali 1940]. В 1940 г., после аннексии Бессарабии, Резина тоже стала советским городом, и Абрамович автоматически получил советское гражданство. В следующем году, после прихода Второй мировой войны в СССР, он был в числе тех евреев, которых румынские власти выслали в Рыбницу — в гетто. Там и начинается трансформация провинциального, не отличавшегося ни ученостью, ни чем-либо иным раввина в *цадика*.

Цадиком у евреев называют набожного и благочестивого человека, а у хасидов — к тому же духовного лидера, *ребе*. Набожный и злой человек не может считаться цадиком. Цадик должен делать добрые дела, помогать людям, вершить чудеса. Именно таковые и числились за Абрамовичем. Считалось, например, что благодаря его молитвам и авторитету у румынских властей кто-то выжил в Рыбницком гетто. Такое, конечно, не забывалось. Сохранились также рассказы о том, как в его присутствии заводились стоявшие на многолетнем приколе абсолютно непригодные автомобили или как машины с пустыми бензобаками спокойно преодолевали далекие расстояния. Неизгладимое впечатление производили его ежедневные, в любую погоду окунания нагишом в Днестре и вообще аскетический образ жизни. Характерно, что не только почитатели считали его цадиком, но и он сам себя считал таковым (С. 34).

Люди по-разному относились к такому неординарному человеку. Кто-то видел в нем святого человека, к которому можно было обратиться за помощью со всякими семейными проблемами или, например, с просьбой оградить от «сглаза» милиции, обнаружившей незаконные финансовые операции. А другие, возможно большинство, считали его просто городским сумасшедшим, юродивым. Тем более что в городе жили аккультурированные евреи, приехавшие в послевоенные годы из других мест (например, по распределению). В городе также оставалась какая-то часть довоенных «советских и кошерных» рыбницких евреев, переживших войну и Холокост. Были и те, кто до войны жили в Резине или еще где-то в Бессарабии и стали советскими только в 1940 г., после присоединения к СССР румынских территорий. Как и в других подобных частях СССР, особенно в Прибалтике, «новые» и «советские» евреи существенно разнились и нередко даже недолюбливали друг друга.

Абрамович был скорее румынским, чем советским, евреем и пользовался, по всей видимости, популярностью в среде тех,

кто так и не влился в советский мейнстрим. В 1959 г. среди взрослого еврейского населения Молдовы только около десяти процентов получили высшее образование, в то время как в РСФСР этот показатель был в три раза выше. Выше он был также в Украине (16,2 %) и Белоруссии (12,8 %) [Константинов 2007: 98–101, 106, 108]. Можно предположить, что в городе, лишенным академической инфраструктуры и получившем серьезное промышленное развитие только в последние советские годы, особенно после строительства металлургического завода, образовательный уровень был еще ниже, чем средний по республике. Местом работы многих рыбницких евреев были промкомбинат, магазин, артель ремесленников или заготовителей, что для тех, кто придерживался еврейских традиций, упрощало соблюдение субботы и праздников.

Неслучайно в 1950-е гг. Абрамович нашел почитателей в Закарпатье, тоже ставшем частью СССР в результате Второй мировой войны. Местным евреям (не тем, кто переехал туда после войны) была присуща строгая приверженность иудаизму. В этом они были схожи с грузинскими, бухарскими и горскими евреями, тоже жившими «на окраинах» СССР. Такие евреи Закарпатья считали своим долгом посетить своего ребе, а также пригласить его пожить какое-то время у них [Quilitzsch 2016: 235]. Оставшись после Холокоста и послевоенной массовой эмиграции без духовного лидера, они обрели такую фигуру в Рыбницком цадике.

Интересны взаимоотношения Абрамовича с советской властью. В справке, составленной для Совета по делам религиозных культов (к сожалению, в книге не указана дата на этом документе), говорится следующее (С. 61):

В г. Рыбница функционирует незарегистрированная религиозная община иудейского вероисповедания. Община имеет молитвенный дом, ранее закрытый, сейчас отремонтирован <...>. У этого религиозного общества имеется раввин Абрамович Хаим Зайнвил, он же резник. Финотдел взимает налог со здания, как с молитвенного дома — синагоги. Налог взимается с Абрамовича, как с раввина и резника.

Итак, в городе официально не было общины и раввина, но они должны были платить налоги, что делало их фактически признанными. Судя по всему, что-то подобное происходило и в других местах, где местные власти закрывали глаза на то, что несколько десятков пожилых людей так и не смогли получить разрешения стать признанной общиной. Местные власти явно понимали, что «у рыбницких евреев не было ни агрессии по отношению к государству, ни неприятия секулярного социума в целом» (С. 68). По сути дела, их просто не воспринимали

всерьез¹. Важным было то, что незарегистрированная община не привлекала к себе молодых людей и обычно не имела прямых контактов с иностранцами, т.е., по сути дела, была безвредным клубом пенсионеров или почти пенсионеров.

В конце 1960-х — начале 1970-х гг. религиозные евреи составляли значительную часть тех, кто подавал заявление на выезд в Израиль. Их, не отвечавших стандартам строителя коммунизма и обычно не представлявших ценности в качестве квалифицированных специалистов, выпускали без особых препятствий. В 1973 г. Рыбницкий ребе уехал в Израиль с группой своих почитателей из Закарпатья. Остается непонятным, как это могло произойти. Для подачи документов на выезд обычно требовалась местная прописка. Случалось, что выезду предшествовал квартирный обмен — из города, откуда выезд по каким-то причинам был затруднен, в город, зачастую в западных районах страны или на Кавказе, где это было сделать легче. Известны случаи, когда люди, чем-то неудобные власти, получали «предложение» от, например, местного управления КГБ выехать из страны. Можно предположить, что ребе был подходящей кандидатурой для получения такого предложения. Абрамович не представлял бы особого интереса для властных структур, если бы у него не появились почитатели.

Вскоре Абрамович переехал из Израйля в США, где почитателей у него оказалось больше. После его смерти чудеса, по мнению его почитателей, продолжали и продолжают совершать его реликвии, особенно портреты. Так, у израильского политика Авигдора Либермана, родившегося в Кишиневе, в кабинете висит портрет ребе, и он регулярно посещает его могилу в Монси (Monsey), небольшом по численности населения, но важном по значимости в мире хасидских евреев городе-спутнике Нью-Йорка (С. 100). В годовщину смерти ребе к его могиле стекают десятки тысяч паломников.

Стала бы Рыбница аналогом Умани, куда десятки тысяч поклонников Бреславского ребе приезжают на еврейский новый год, если бы Абрамович остался жить в городе до конца своих дней? Скорее всего, нет. «Именно в США, то есть там, где большинство его постоянно умножавшихся сторонников и почитателей совершенно не представляли, где находится город Рыбница, Хаим-Занвл Абрамович в полной мере стал Рыбницким ребе» (С. 24). Если семейная география не играет роли, то в чем

¹ Никто серьезно не воспринял заявление моего деда, что он не мог больше терпеть коммунистов в своей семье, т.е. зятьев и одну из дочерей. Об этом заявлении, сделанном в домоуправлении в начале 1960-х гг., моим родителям со смехом рассказала соседка, работавшая там паспортной.

заключается притягательная сила духовного наследия Рыбницкого ребе? Книга не дает ответа на этот вопрос.

Как у многих монографий, написанных группой авторов, главы несколько разнятся по качеству. Книгу мог бы усилить общий контекст процессов выдвижения еврейских духовных лидеров в годы после Холокоста. Интересно было бы также сравнить с тем, что в это время происходило в СССР в нееврейских кругах с верой в целителей и провидцев и отношением к ним властных органов. Остается неизвестным, как к Рыбницкому ребе относились раввины, признанные советской администрацией. Однако в целом книга заметно дополняет корпус научной литературы по истории советского еврейства. Она вносит поправки в тот стереотип, который сложился в литературе о советской еврейской эмиграции, а именно: приехавшие в Израиль, США и другие страны евреи были полностью оторваны от религиозных традиций. В значительной степени этот стереотип соответствует реальности, но религиозная жизнь все-таки продолжалась и принимала своеобразные формы в среде советских евреев, в частности в тех частях страны, которые стали частью СССР в 1939 или 1940 гг.

Библиография

- Вайль П., Генис А. 60-е: мир советского человека. М.: НЛО, 1998. 368 с.
- Елизаров С.А. Формирование и функционирование системы административно-территориального деления БССР (1919–1991). Гомель: ГГТУ, 2009. 222 с.
- Константинов В. Еврейское население бывшего СССР в XX веке. Иерусалим: Б.и., 2007. 307 с.
- Куповецкий М., Крупник И. «Лахлухи» — курдистанские евреи в СССР // Советская этнография. 1982. № 2. С. 107–111.
- Турчинов О.В. (ред.) Адміністративно-територіальний устрій України: Історія. Сучасність. Перспективи. Київ: [Геопринт], 2009. 615 с.
- Mali I. A bagegenish // Birobidzhaner shtern. 1940, 21 oygust.
- Peretz I.L. Shtet un shtetlekh. Nyu-york: Yidish, 1920. 296 b.
- Quilitzsch A. Everyday Judaism on the Soviet Periphery: Life and Identity of Transcarpathian Jewry after World War II: PhD diss. Bloomington, IN, 2016. 306 p.
- Shternshis A. Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2006. 280 p.
- Yankelevich G. Iber di shuln fun Moldavye // Zay greyt. 1935, 12 yuli.

Геннадий Эстрайх

A Review of *Sovetskiy tsadik. Rasskazy o Rybnitskom rebe: ot Dnestra do Gudzona* [The Soviet Tzadik. Tales of the Ribnitzer Rebbe from Dniester to Hudson], comp. by V. A. Dymshits, M. M. Kaspina, ed. by V. A. Dymshits, M. M. Kaspina, A. L. Polyan. Moscow: Kuchkovo pole; Jewish Museum and Tolerance Center, 2024, 304 p.

Gennady Estraiikh

New York University
35 Seacoast Terrace, apt. 16E Brooklyn, NY, USA
ge293@nyu.edu

This collection of articles describes and analyses the story of the formation of a Jewish spiritual leader's cult, unique for the Soviet Union. Adherents of Chaim Zanvil Abramowitz (1902–1995), better known as the Ribnitzer Rebbe, effectively established a separate group within Hasidism. Like the majority of Hasidic rebbes, Abramowitz received a "title" associated with the geographical place, where he had received recognition from his followers. In his case, it was the Moldavian town of Ribnitsa (also Rîbnița and Rybnitsa). In 1941, Abramowitz, then a little-known rabbi from the Romanian town of Rezina (it became Soviet in 1940), was incarcerated in the Ribnitsa ghetto. Following the Soviet liberation of Ribnitsa, he settled in the town and took on himself the functions of a rabbi and kosher butcher. Although the local administration officially refused to recognize him as a legitimate clergyman, he did not become an object of persecution. Among traditional Jews, Abramowitz, who led an ascetic life, gained a reputation of a miracle worker rather than simply of a deeply pious person. This reputation also brought to him religious Jews from Transcarpathia. After his emigration from the Soviet Union in 1973, he lived in Israel and the United States. His grave in Monsey, near New York, has become a site of mass pilgrimage. One can only guess, what would have happened if Abramowitz lived in Ribnitsa until the end of his life. Had Ribnitsa a chance of becoming an analogue of Uman, where tens of thousands of Breslov Hasidim flock each Jewish New Year? The book leaves unanswered the question of what the secret of the Ribnitzer Rebbe's continued appeal is. Like many monographs written by a group of authors, the chapters differ somewhat in terms of depth of research. In all, however, the book is a considerable addition to existing scholarship on the history of Soviet Jewry.

Keywords: Judaism in the Soviet Union, Hasidism, Jews in Moldova,

Jews in Transcarpathia, pilgrimage.

References

- Elizarov S. A., *Formirovanie i funktsionirovanie sistemy administrativno-territorialnogo deleniya BSSR (1919–1991)* [Formation and Functioning of the System of Administrative-Territorial Division of the BSSR, 1919–1991]. Gomel: GGTU, 2009, 222 p. (In Russian).
- Konstantinov V., *Evreyskoe naselenie byvshego SSSR v XX veke* [The Jewish Population of the Former USSR in the 20th Century]. Jerusalem: s. n., 2007, 307 p. (In Russian).
- Kupovetskiy M., Krupnik I., ‘Lakhlukhi — kurdistskie evrei v SSSR’ [“Lakhlukhs”, Kurdistan Jews in the USSR], *Sovetskaya etnografiya*, 1982, no. 2, p. 107–111. (In Russian).
- Mali I., ‘A bagegenish’, *Birobidzhaner shtern*, 1940, 21 oygust. (In Yiddish).
- Peretz I. L., *Shtet un shtetlekh*. Nyu-york: Yidish, 1920, 296 b. (In Yiddish).
- Quilitzsch A., *Everyday Judaism on the Soviet Periphery: Life and Identity of Transcarpathian Jewry after World War II*: PhD diss. Bloomington, IN: Indiana University, 2016, 306 p.
- Shternshis A., *Soviet and Kosher: Jewish Popular Culture in the Soviet Union, 1923–1939*. Bloomington, IN: Indiana University Press, 2006, 280 p.
- Turchinov O. V. (ed.), *Administrativno-territorialniy ustroy Ukraini* [Administrative and Territorial Structure of Ukraine]. Kyiv: [Geoprint], 2009, 615 p. (In Ukrainian).
- Vail P., Genis A., *60-e: mir sovetskogo cheloveka* [The Sixties: The World of the Soviet Man]. Moscow: NLO, 1998, 368 p. (In Russian).
- Yankelevich G., ‘Iber di shuln fun Moldavye’, *Zay greyt*, 1935, 12 yuli. (In Yiddish).